Были моменты, когда Изуку ненавидел свою причуду.

Он ненавидел поднимать руку на каждый вопрос в каждом классе, каждый раз давая идеальные ответы.

Он ненавидел получать высшие баллы за каждую викторину и рабочий лист, что побуждало учителей хвалить его успехи в учебе.

Он ненавидел кипящий гнев Каччана и раздавленное, побежденное выражение лица Яоорозу каждый раз, когда он превосходил их обоих.

Они оба соревновались с ним, чтобы ответить на наибольшее

количество вопросов и набрать наибольшее количество баллов в своих поп-викторинах первого дня, но ни один из них не мог конкурировать с кем-то, кто знал ответы еще до того, как учитель раздал работы.

Так было и на протяжении немалой части его детства.

Он всегда ненавидел знать, что люди умрут или злодеи сбегут, и думал, что если бы он сделал анонимный звонок в Агентство Героев, ничего бы этого не произошло.

Он ненавидел скрывать свои царапины и ожоги от мамы, ненавидел избегать пляжей и бассейнов, ненавидел носить рубашки с длинными рукавами, даже когда на улице было жарко.

Он ненавидел задаваться вопросом, какой у них был дом, если бы он использовал свою причуду, чтобы выиграть в лотерею, как часто они могли бы иметь кацудон, сколько еще времени у его мамы было бы для него, поскольку ей не пришлось бы работать на двух работах.

На протяжении многих лет он подумывал о том, чтобы пойти по этому пути, рискуя обнаружить свою причуду, чтобы улучшить свою жизнь и свою мать, но каждый раз одна мысль о том, чтобы изменить то, что он видел, вызывала у него головную боль, как будто он ударялся головой о кирпичную стену.

Поэтому он держал голову опущенной, скрывал шрамы и старался не присматриваться к новостям о смерти людей.

Из всех этих событий, из всей боли и страданий, которые он пережил, из всего убожества их грязной двухкомнатной квартиры, быстрого приготовления рамена и бобового супа, подержанной одежды и неисправных кондиционеров, всего внимания, которое в настоящее время обрушивается на него, ничто не заставило его более серьезно задуматься о том, чтобы преодолеть эту головную боль, найти какое-либо другое возможное будущее. чем то, что должно было произойти, когда он проскользнул в переулок недалеко от Юэй после тренировки с Айзавой в четверг вечером, с громкими, сердитыми шагами по пятам.

Бакуго Кацуки попал в Страну чудес.

Это было единственное объяснение того, насколько испорченным стал мир в тот момент, когда он проснулся на больничной койке в кабинете Лечащей девочки, с почти достаточным количеством марли, наклеенной на его лицо, чтобы задушить его во сне.

Старая карга сказала ему, что он сломал нос и получил сотрясение мозга.

Это само по себе было невозможно.

Это был Кацуки.

Ничто не могло причинить ему вреда.

Он мог совершить долгую прогулку по высотному зданию и прорваться вниз без синяков.

Если что-то летит на него, он может взорвать это с воздуха.

Если бы кто-то попытался причинить ему боль, они, черт возьми, умрут.

Как будто этого было недостаточно, когда он ошеломленно спросил, как, черт возьми, он оказался со сломанным носом, карга намазала метрическую тонну гнилой глазури на дерьмовый торт.

Гребаный Деку ударил его.

Один удар от Деку, тощего, жалкого, без причудливого Деку, и у него был сломан нос, сотрясение мозга, и из него выбили живой дневной свет.

Нет.

Не возможно.

Когда он выпрямился, головокружение поразило его, как грузовик, но он с трудом преодолел его, шатаясь, поднявшись на ноги от злобы против глупого мира, который осмелился опустить его вниз.

Легким толчком трости Лечащая девочка отбросила его обратно в постель, отвратительно поцеловала в лоб и чуть не засунула ему в горло одного из своих мармеладных мишек.

В то время как силы вернулись к его оцепеневшему телу, он уловил вспышки того, что произошло, пока не потерял сознание, столкнувшись с Деку, помчавшись в здание, обнаружив, что он повернулся спиной, ему некуда бежать, некому встать у него на пути, некому, кто мог бы заставить его сдержаться и успокоить героя подражателя.

Вспышка зеленых пустых глаз, глядящих сквозь него, когда кулак в белой перчатке появился, как будто вытащенный из шляпы фокусника, прямо перед его лицом.

Вся сцена была похожа на сновидение, как кошмар, который казался смехотворно абсурдным, даже когда он вызывал холодок по спине.

Лечащая- девочка держала его там до конца дня, и к этому времени было уже слишком поздно, чтобы восстановить свое место в верхней части класса.

Школа, очевидно, рассказала обо всем его родителям, так как оба его родителя приехали, чтобы забрать его.

Его старая карга мамы кричала на него за то, что он был безрассудным и получил травму на второй день, но слова не укусили их, и это почему-то ужалило больше, как будто он был слишком слаб, чтобы выдержать ее

гнев и разочарование, слишком хрупким после того, как его одолел самый слабый ребенок во всей школе.

Кацуки позволил себе молча кипеть, слишком измученный

и контуженный, чтобы по-настоящему разозлиться.

На следующее утро Кацуки даже не помнил, что произошло, пока не посмотрел в зеркало.

Фиолетовые и черные пятна покрывали половину его лица.

Дрожащий палец, поднесенный к носу, отскочил в сторону, когда боль пронзила нос.

Воспоминания нахлынули на него, и на этот раз у него были силы для

гнева.

Его рука врезалась ладонью в зеркало.

Капли нитроглицеринового пота выскочили, разбив зеркало на сотню звенящих осколков.

Его мама взбежала по ступенькам и закричала на него.

Он закричал в ответ.

Они произвели залпы ругательств, каждое из которых было более откровенным и напыщенным, чем предыдущее, грохот и треск их сталкивающихся голосов превратили крошечную, застекленную ванную комнату в зону боевых действий.

К концу Кацуки был заземлен на неделю и ухмылялся, как маньяк.

Он вернулся.

Юэй не знал бы, что его поразило.

К концу дня он вернется на вершину пищевой цепочки.

Его энтузиазм умер медленной и ужасной смертью в классе в тот день.

Чтобы начать свой совершенно ужасный день, их жуткий бездомный учитель просмотрел вчерашнюю боевую подготовку, дав всем конкретные указания о том, как их улучшить.

В то время как Кацуки очень нравился тот факт, что его лицо было достаточно твердым, чтобы сломать два пальца Деку, ему не нравилось, когда ему читали лекции перед всем классом о том, как он был чудаком за то, что бросился головой в неизвестную ситуацию и убил себя, не предупредив своего товарища по команде.

Это была не его вина.

Он был против гребаного Деку.

Деку не должен был что либо делать, и дрожащий кусок желе, который он имел товарища по команде, должен был быть таким же бесполезным.

Он не виноват в том, что Вселенная решила перевернуться с ног на голову.

Первым периодом была история современного искусства, неудобная тема для Кацуки, учитывая, что средняя школа Альдеры никогда не прикасалась к ней, и он сдул ее как пустую трату времени.

Первым шагом Миднайт было объяснить, что они изучили его, чтобы лучше понять, как Герои влияют на художественные медиа, что показалось Кацуки натяжкой, но, учитывая, что это был

обязательный курс, и он не согласился бы ни на что меньшее, чем высшие оценки, он решил запомнить каждое слово из их учебников.

К среде он был уже на пять глав впереди, прочитав книгу при первой же возможности, и все же он обнаружил, что останавливается на нескольких вопросах, изо всех сил пытаясь вспомнить поспешно усвоенную информацию, большинство других студентов, даже скучающие по всезнайке, рекомендованному студенту, казались такими же неуравновешенными, как и он.

Деку, тихий, ничтожный Деку, с другой стороны, в одночасье превратился в гребаного искусствоведа, отвечающего на все вопросы и заслуживающего не что иное, как

абсолютное восхищение Миднайт.

В каком-то смысле это имело смысл.

Кацуки не был слепым, он видел эти рисунки героев в книгах Деку.

Было логично, что у него было абсурдное количество знаний по этому одному, неясному предмету.

Как бы ни было больно признать поражение, Кацуки рассчитывал проиграть только эту битву

и выиграть войну.

Второй период был очередным разгромом.

Математика, самый сильный предмет Кацуки, превратилась в запутанный лабиринт интегралов и производных, показателей и логарифмических показателей, запутанных, как кабели, небрежно сложенные в ящик стола, которые трудно, но не невозможно распутать.

Тем не менее, в тот момент, когда ухмыляющаяся куча слизи нацарапала задачу по исчислению, Деку поднял руку, каждый раз давая идеальный ответ.

Даже четырехглазый не мог угнаться, а у него были гребаные реактивные двигатели вместо ног.

Это было одинаково в каждом предмете.

Деку говорил по-английски так, как будто он с детства пыхтел гамбургерами, загружал в свой мозг каждую книгу из программы по литературе и читал правила героя, как будто он написал их сам.

Как бы обидно ни было оказаться позади Деку, быть явно позади рекомендованного цыпленка, который также был позади Деку, ужалил еще больше.

Если бы впереди него была только она, он бы радовался перспективе достойного соперника, кого-то, кого можно превзойти на пути к тому, чтобы стать величайшим героем, но быть превзойденным кем-то, кто, в свою очередь, превзошел Деку, просто втирал соль в его раны.

По прошествии дня Кацуки пришел к неутешительному выводу.

Деку держался.

Он намеренно сдерживался в средней школе, чтобы выглядеть идиотом в Юэй.

Как еще он мог пройти путь от предмета мебели уровня B до лучшего в классе за одно лето?

Кацуки поклялся себе, что заставит Деку заплатить.

Может быть, Деку был достаточно умен для Юэй, но он никогда не был бы достаточно сильным, чтобы стать героем.

Так или иначе, он бы это доказал.

Итак, в среду днем он ждал возле Юэй, но Деку так и не появился.

Он вернулся домой с опозданием на полчаса, и ему пришлось извиняться за то, что ему пришлось сделать крюк, когда его мать на кричала за то, что он не вернулся домой сразу.

Когда на следующий день он услышал, что Деку тренируется каждый день после

школы с Сотри- головой, Кацуки решил, что комендантский час может пойти к черту.

Он ждал целую неделю, пока Деку втирал свой нечеловеческий интеллект

ему в лицо.

Итак, в четверг днем, когда солнце опустилось за многоэтажки, отбрасывая оранжевое свечение на их окна, он последовал за Деку в тихий пустой переулок.

Он не пытался скрыть свои шаги, скорее, он изо всех сил старался создать лишний шум, пытаясь заставить слабака обернуться.

Деку даже не дернулся.

Стиснув зубы, Кацуки зашагал быстрее, пока не оказался в пределах его досягаемости.

"Деку!"

- взревел он, подняв правый кулак.

Он подождал, пока Деку не начнет поворачиваться, чтобы нанести удар, подождал, пока не увидит панику в его глазах.

Подобно кошмару избиения на боевой подготовке, в выражении лица Деку не было страха, когда он смотрел, как Кацуки приближается к нему.

Деку поймал удар Кацуки за запястье.

Отстранившись, Деку заставил Кацуки наклониться вперед, прижимая колено к бедру Кацуки.

Потеряв равновесие, Кацуки упал вперед, остановив себя свободной рукой.

Он попытался перевернуться, попытался вырваться из хватки Деку, но маленький мальчик лежал у него на спине, сжимая руку в болезненной хватке, прижав ладонь к спине.

Кацуки поднял левую руку, взорвав нитроглицерин на ладони, но Деку отклонился в сторону, позволив взрыву взъерошить его волосы.

Деку схватил другую руку и прижал ее к правой руке, удерживая их обоих на месте коленом.

— Я сожалею об этом, Каччан.

Кацуки извивался, но не мог вырваться.

— Какого черта, Деку!

Отпусти меня!»

«Хватит бороться. Нам нужно поговорить».

«Черт возьми, я буду! Убирайся к черту!

Кацуки извивался и извивался, но ничто из того, что он сделал, не заставило Деку сдвинуться с места ни на дюйм.

По мере того, как он боролся, он с болью осознавал, что, прижав ладони к спине, он также может быть бес причудным.

Кожа на его руках могла выдержать его взрывы, но все остальное было слишком чувствительным.

Он опалил бы себе спину, если бы попытался вырваться на свободу.

Это был способ Деку сделать Кацуки таким же никчемным, каким он был, и одна мысль об этом вызывала у Кацуки сильное искушение зажечь свои руки, как фейерверк, будь проклята его спина.

Измученный бесплодной борьбой, Кацуки прогнулся, положив голову на грязный бетон.

— Какого хрена ты хочешь?

Деку засучил один из рукавов и поднес руку со шрамами к лицу Кацуки.

«Не все это твои дела, но достаточно, чтобы доставить тебе серьезные неприятности».

Кацуки фыркнул.

«Серьезно? На тебя наплевать».

«Альдера этого не сделала, но Альдера была обедневшей школой, отчаянно пытающейся получить кого-то с мощной причудой, чтобы получить высшее образование и поставить его на карту.

Они бы скрыли убийство, если бы это означало, что ты попадешь в Юэй.

Но в Юэй все по-другому.

У них есть репутация, которую нужно сохранить, и никому не нужен герой, который оскорбляет их одноклассников.

Для Юэй было бы плохо если в прессе, если бы кто-то узнал, что они приняли кого-то с твоим послужным списком за причинение вреда людям».

Кацуки замер, прогибаясь под тяжестью Деку.

Камешек на дороге, по какой-то жестокой оптической иллюзии, превратился в неукротимую гору вдалеке в тот момент, когда он повернул за поворот в сторону Юэй.

Деку был умнее его, Деку был сильнее его, и теперь Деку держал его в своей власти.

Что еще хуже, так это то, что у Деку хватило смелости пожалеть, когда он уткнулся лицом в грязь.

Деку печально смотрел на него сквозь грязный осколок стекла перед глазами Кацуки.

«Ну и что? Ты собираешься доставить мне неприятности?

«То, что ты сделал, привело бы, по крайней мере, к исключению.

Если бы я выдвинул обвинения, тебя могли бы даже арестовать.

Ты никогда не станешь героем».

Горячие, жгучие слезы потекли из глаз Кацуки.

— Ты просто втираешь мне какую-то дичь, прежде чем нагнуть меня, да?

Тебе весело, Деку?

Его голос дрожал, и он не мог его остановить, но он отказывался срываться в рыдание.

— Вовсе нет.

Только так можно достучаться до тебя.

Это единственный способ заставить тебя слушать меня.

Если бы был какой-то другой способ, я бы его выбрал».

Это больше походило на то, что Деку пытался убедить себя, чем Кацуки.

«Хорошо, я слушаю, ты счастлив?

Скажи все, что хочешь сказать, и отпусти меня.

Моя старая карга уже собирается разжевать меня за опоздание.

— Хорошо.

Я хочу, чтобы ты сделал для меня три вещи.

Во-первых, больше никаких матерных слов. Герои не ругаются».

«Черт возьми...»

Колено Деку впилось ему в спину, раздавив пальцы.

Кацуки застонал и стиснул зубы.

— Это был последний раз,

— сказал Деку.

«Если я снова услышу, как ты ругаешься, я пойду прямо к директору. Ты понимаешь?

«Ты фу — ты меня шантажируешь?»

Кацуки наблюдал за ним через стекло.

Деку отвел взгляд, и его плечи опустились.

«Это единственный способ».

Истерический смех вспыхнул в Кацуки, когда слезы потекли по его лицу.

«Ты фу — по-настоящему? С чего ты взял, что тебе это сойдет с рук?

— Во-вторых, — сказал Деку,

— подружитесь с господином Минетой и господином Каминари.

— Извращенец и балбес?

— сердито спросил Кацуки.

«Ты не можешь быть серьезным».

«Я. Пригласите их в зал игровых автоматов в следующее воскресенье.

Если они согласятся, я сохраню твою тайну.

Мой совет - начни обедать с ними, ведите себя хорошо со всеми, а не только с ними, и подожди до следующего вторника, прежде чем спрашивать их.

Я заплачу за это, так как это будет справедливо».

— Ты серьезно хочешь, чтобы я...

«Кроме того, убедитесь, что Минета не будет исключен.

Вы вряд ли сможете с ним подружиться, если его выгонят за то, что он подглядывает в женской раздевалке.

— Фу...

— оборвал себя Кацуки, прежде чем успел выругаться.

Шантаж, унижение, небрежное отношение Деку, когда он говорил ему, как жить своей жизнью, как будто он был милым маленьким померанским шпицем на поводке, заставили его кровь закипеть.

Он снова взбрыкнул и попытался сбросить Деку, и снова колено Деку

заставило его вернуться в грязь.

Вспотевший, уставший и эмоционально истощенный, Кацуки спросил угрюмым голосом, опасаясь ответа:

«Что третье?»

«Будь героем, которым я никогда не смогу стать».

Деку сунул что-то в карман, отпустил и ушел.

Кацуки изо всех сил пытался встать, полуслепой от ярости, готовый задушить Деку, но к тому времени, когда он поднялся на ноги, Деку уже давно ушел.

Он пошарил в кармане и нашел банкноту в 5 иен, чистую, аккуратно сложенную, только что из местного банка.

Кацуки чуть не разорвал ее.

— Ши…

— оборвал себя Кацуки, охваченный страхом, что Деку все еще может быть рядом, ожидая, когда он сломается.

Воя от гнева, Кацуки ударил кулаком по кирпичной стене, оставив след ожога, когда его пот взорвался.

Острая боль в его ушибленных пальцах никак не притупила тяжелый, холодный страх в его животе.

Кацуки вернулся домой незадолго до захода солнца.

Его мать набросилась на него в одно мгновение, крича на него за то, что он не приходил домой вовремя два дня подряд.

Слишком уставший, чтобы драться, Кацуки пробормотал извинения и подождал, пока она перестанет кричать.

Она, должно быть, знала, что что-то не так, по его растрепанной одежде, окровавленным пальцам и заплаканному лицу.

Ее голос смягчился до тона, которого Кацуки не слышал уже много лет, и спросила его, что случилось.

Он не с мог ей ответить.

Оставшись один в своей комнате, без кого-либо, кто мог бы наблюдать за ним, Кацуки не выдержал, рыдая в подушку, когда солнце село.

Если какой-то класс собирался дать Айзаве Шоте седые волосы раньше его времени, то это был

бы этот.

Прошло чуть больше недели с начала занятий, но он уже был

уверен, что ему будут сниться кошмары на долгие годы.

Острые взгляды пока держали Минету в узде, но он знал, что ему придется прочитать развратному ребенку лекцию наедине, прежде чем он выйдет из-под контроля.

Яойорозу медленно рушилась на его глазах, очевидной причиной было то, что она не оказалась в центре вселенной этого класса.

Он, возможно, даже не заметил бы, если бы Незу не указал на ее проблемы с уверенностью в себе в небрежной манере, но, зная, на что обращать внимание, он мог видеть тонкие признаки ее разрушенной самооценки.

Тодороки был холоден и спокоен.

Этот шрам в сочетании с его асоциальным отношением заставил его задуматься, есть ли у него в классе двое детей, подвергшихся насилию.

Как ни странно, тот, кого он считал худшим из всех, сквернословящий подросток, у которого был темперамент зажженного факела, брошенного на фабрику фейерверков, претерпел трансформацию в одночасье.

Его поведение не совсем выкладывалось на 180 градусов, но он бы назвал это большим шагом в правильном направлении.

Он перестал оскорблять своих одноклассников и даже попытался поговорить с Минетой и Каминари.

Ругань не исчезла полностью, но Кацуки всегда ловил себя на том, что не проговорился.

Шота заметил, что он бросал взгляд на Мидорию каждый раз, когда это происходило.

Говоря о Мидории, Шота был поражен его выступлением до сих пор.

Каждый учитель, с которым он разговаривал, рассказывал о своем новом звездном ученике, поднимая руку на каждый вопрос и каждый раз давая идеальные ответы.

Шота не мог их винить.

Во время тренировок Мидория впитывала каждую каплю информации, каждое упражнение, каждое упражнение Вин Чун, все это, как

пересохшая пустынная почва.

Мидории нужно было только один раз увидеть или услышать что-то, чтобы выполнить это идеально, и он продолжал выполнять это с

точностью фабричного оборудования, пока его руки не начинали дрожать от изнеможения.

Убедившись, что Мидория правильно тренирует всю свою личную силу и выносливость, Айзава сосредоточился на том, чтобы дать ему ускоренный курс по всем CQC, которым он мог его научить.

Блоки, удары, броски, уклонения и все, что между ними, он изучил боевые искусства за считанные дни.

По мере того, как Мидория продолжал свой взрывной рост, Шота обнаружил, что начинает злиться на всех учителей, которые его подвели, на всех учителей, которые игнорировали огромный потенциал, лежащий прямо у них под носом.

Он представлял, насколько дальше был бы Мидория, если бы он только начал тренироваться годом ранее.

В пятницу днем, когда Шота удалился в комнату отдыха, чтобы взбодрится с помощью кофейника, Всемогущий, сжавшийся до своей гражданской формы, прокрался в комнату.

—, господин Айдзава, я надеялся получить возможность поговорить с вами.

Это была длинная неделя, и я почти не видел тебя рядом.

Шота сдержал вздох.

— Что это, Яги-сан?

«Ну, у меня были вопросы по боевой подготовке.

Двух моих учеников отправили в кабинет медсестры, и мне было интересно, что я мог бы сделать по-другому.

Должен ли я был сказать им, чтобы они были спокойны друг к другу, прежде чем они начнут?

Должен ли я был вмешаться, когда казалось, что вот-вот произойдет что-то плохое?

Я не уверен, что я вообще мог что-то сделать, но...

Шота поднял руку, останавливая поток сомнений и неуверенности, исходящий от героя номер один.

«Никто не пострадал серьезно, и занятия продолжались с

минимальными нарушениями.

Ты прекрасно с этим справился».

— Но они сломали кости!

Шота бросил на него, неодобрительный взгляд.

«Да, они это сделали. Твоя точка зрения?

Тошинори кашлянул от удивления и вытер кровь с губ.

«Господин Айдзава, я знаю, что я не опытный учитель, но не заходит ли это слишком далеко?

Разве это не часть нашей работы, чтобы обеспечить безопасность этих детей?»

— В безопасности?

— огрызнулся Шота.

«Вы хотите, чтобы они были в безопасности?

Нянчитесь с ними вот так, и они умрут от первого же злодея, который сломает им нос».

«Это звучит немного экстремально».

«Неужели? Я подумал, что ты поймешь, насколько опасна работа героя, учитывая эту дыру в твоей груди.

Одна из рук Тошинори рефлекторно легла на старую рану.

«Это было... Не совсем типичное обстоятельство».

— И большинство из нас не может сбить с толку погоду,

— сухо сказал Шута.

«Несмотря на всю твою силу, при всей твоей мощи, ты все равно получил травму, которая убила бы любого другого.

Герои все время умирают в этой сфере деятельности.

Никто не понимает этого, потому что все они обращают на вас

внимание.

Каждый раз, когда вы спасаете мирного жителя или сажаете в тюрьму известного злодея, это попадает на первые полосы и в шестичасовые новости, а тем временем меньшие герои умирают от безымянных злодеев, трагедия, забытая следующим заголовком.

«Айдзава-сан, я...»

«Чего бы это ни стоило, я думаю, что хорошо, что никто не понимает, насколько опасным стал мир, но вы не будете существовать вечно».

Айзава налил себе чашку, поморщился, глядя на всю гущу, скрывающуюся на дне, и выпил всю кружку за один раз.

«Рано или поздно эта рана заставит вас уйти на пенсию или, что еще хуже, убьет вас, и когда это произойдет, все станет на много ужасней.

Если мне повезет, я не доживу до того, как это произойдет, но я знаю, что моим ученикам придется убирать все, что вы оставите после себя.

Я хочу убедиться, что они готовы к этому, и если у вас есть хоть какое-то уважение к их жизни, вы сделаете то же самое».

Тосинори был бледным, настолько бледным, что Айзава забеспокоился, что это может быть из-за потери крови.

Его руки сжались, и огонь вернулся в его пустые голубые глаза.

«Я позабочусь о том, чтобы до этого не дошло.

Я найду кого-то, кто сможет стоять так же высоко, как и я, кто сможет вдохновить людей, дать им надежду, отбросить злодейство и преступность.

Символ Мира не умрет вместе со мной.

Возможно, это не идеально, но это лучше, чем позволить нашему дому погрузиться в хаос».

Айзава затянул шарф и направился к двери.

«Я позабочусь о том, чтобы Символ Мира не понадобился».

http://tl.rulate.ru/book/53509/3242644